

אח

הל

תרגומי השירה הלירית של אדולף גומן
Лирическая поэзия в переводах Адольфа Гомана

Альфред, Лорд Теннисон

Alfred, lord Tennyson

The short poems

Короткие стихи

Перевод с английского
Комментарии переводчика

adolf.goman@gmail.com

Альфред, Лорд Теннисон

(1809-1892)

Об Альфреде, Лорде Теннисоне

Альфред Теннисон, 1-й барон Теннисон (1809 — 1892) — английский поэт, один из крупнейших представителей английской поэзии викторианской эпохи. Назначенный Поэтом-лауреатом Соединённого Королевства в ноябре 1850 года, Теннисон занимал эту должность почти 42 года, больше, чем кто-либо другой. Среди его наиболее известных произведений — цикл эпических поэм о короле Артуре и «рыцарях круглого стола» «Королевские идиллии», поэма «Волшебница Шалотт» и стихотворение «Улисс». В марте 1884 года Теннисону был пожалован наследственный титул пэра и он заседал в Палате лордов до своей смерти. (Викип.) Многие произведения Теннисона посвящены воспоминаниям о его друге времён обучения в университете Артуру Генри Халламу, внезапно умершему в возрасте 22 лет.

Contens

Crossing the Bar
O beauty, passing beauty!
Summer Night
The Blackbird
Who Can Say?
The Eagle
Break, Break, Break
Nothing Will Die
Were I Loved As I Desire To Be!
The Beggar Maid
A Farewell
Move Eastward, Happy Earth
The Splendor Falls
Tears, idle tears
Marrige Morning
In memoriam A.H.H.
VII
XI
Come not when I am dead
In the Valley of Cauteretz
Flower in the crannied wall
Minnie and Winnie
Cradle Song
The Throstle
The Silent Voices

Оглавление

[Пересекая мель](#)
[О красавица, проходящая мимо!](#)
[Летняя ночь](#)
[Чёрный дрозд](#)
[Кто может сказать?](#)
[Орёл](#)
[Бей, бей, бей](#)
[Ничто не умрёт](#)
[О, если б был любим, как я мечтал!](#)
[Нищая девушка](#)
[Прощание](#)
[Двигайся на восток, счастливая Земля!](#)
[Сиянья вал](#)
[Слёзы, тщетные слёзы](#)
[Свадебное утро](#)
Памяти А.Г.Х.
[VII](#)
[XI](#)
[Не приходи, когда я умру](#)
[В долине Котре](#)
[Цветок в трещине стены](#)
[Минни и Винни](#)
[Колыбельная](#)
[Певчий дрозд](#)
[Безмолвные голоса](#)

* * *

Crossing the Bar

Sunset and evening star,
And one clear call for me!
And may there be no moaning of the bar,
When I put out to sea,

But such a tide as moving seems asleep,
Too full for sound and foam,
When that which drew from out the boundless deep
Turns again home.

Twilight and evening bell,
And after that the dark!
And may there be no sadness of farewell,
When I embark;

For tho' from out our bourne of Time and Place
The flood may bear me far,
I hope to see my Pilot face to face
When I have crost the bar.

O beauty, passing beauty!

O beauty, passing beauty! Sweetest sweet!
How can thou let me waste my youth in sighs?
I only ask to sit beside thy feet.
Thou knowest I dare not look into thine eyes.

* * *

Пересекая мель

Закат. Вечерняя звезда,
Она зовёт меня!
И пусть мель даже не вздохнёт, когда
Отчалию я.

Для звуков и для пены слишком полн
Залив спит предо мной.
Отлив того, кто взят из бездны волн,
Вернёт домой.

Замолкнет колокол, и тьмы
Настанет вечный час.
И пусть без горечи простимся мы,
Покину вас.

Хоть я уйдя пребуду в мире впредь
Без миль и без недель,
Сподоблюсь, может, Кормчего узреть,
Пересекая мель.

1889

(см. комментарии в разделе «Статьи» на этом сайте)

О красавица, проходящая мимо!

Тебе не жалко, сладкая краса,
Что я во вздохах юность провожу.
Не смея посмотреть тебе в глаза,
Я лишь присесть у ног твоих прошу.

Might I but kiss thy hand! I dare not fold
My arms about thee--scarcely dare to speak.
And nothing seems to me so wild and bold,
As with one kiss to touch thy blessed cheek.

Methinks if I should kiss thee, no control
Within the thrilling brain could keep afloat
The subtle spirit. Even while I spoke,

The bare word "kiss" hath made my inner soul
To tremble like a lute string, ere the note
Hath melted in the silence that it broke.

Summer Night

Now sleeps the crimson petal, now the white;
Nor waves the cypress in the palace walk;
Nor winks the gold fin in the porphyry font:
The firefly wakens: waken thou with me.

Now droops the milk-white peacock like a ghost,
And like a ghost she glimmers on to me.

Now lies the Earth all Diana; to the stars,
And all thy heart lies open unto me.

Now slides the silent meteor on, and leaves
A shining furrow, as thy thoughts in me.

Now folds the lily all her sweetness up,
And slips into the bosom of the lake:
So fold thyself, my dearest, thou, and slip
Into my bosom and be lost in me.

Могу ль коснуться я твоей руки,
Не говоря о том, чтобы обнять?
И было б дико смелым вдруг щеки
Благословенной край поцеловать.

Тогда, мне кажется, погаснет всё
В трепещущем мозгу; и стал бы я
Слабеть, теряя свет в душе моей,

А слово «поцелуй» заставил бы её
Дрожать, как лютни звук, что вдруг звеня
Нарушит тишину, растает в ней.

1830

Летняя ночь

*)

Багряный лепесток уснул и белым стал;
В аллее у дворца недвижим кипарис;
Спит в чаше из порфира золотой плавник,
Но светлячок не спит; проснись и ты со мной.

Павлин молочно-белый призраком возник,
Как призрак, он во тьме мерцает надо мной.

Под звёздами Земля Дианой возлегла,
И сердце всё твоё открыто предо мной.

След яркий метеора небом завладел,
Как твои мысли ночью овладели мной.

Сомкнула лилия всю сладость лепестков,
И засыпая в лоно озера скользит;
И ты, любимая, свернись, и в грудь мою
Скользни, исчезни в ней, и будь всю ночь со мной.

The Blackbird

O Blackbird! sing me something well:
While all the neighbours shoot thee round,
I keep smooth plats of fruitful ground.
Where thou may'st warble, eat and dwell.

The espaliers and the standards all
Are thine; the range of lawn and park:
The unnetted black-hearts ripen dark,
All thine, against the garden wall.

Yet, though I spared thee kith and kin,
Thy sole delight is, sitting still,
With that gold dagger of thy bill
To fret the summer jennetin.

A golden bill! the silver tongue,
Cold February loved, is dry:
Plenty corrupts the melody
That made thee famous once, when young:

And in the sultry garden-squares,
Now thy flute-notes are changed to coarse,
I hear thee not at all, or hoarse
As when a hawker hawks his wares.

Take warning! he that will not sing
While yon sun prospers in the blue,
Shall sing for want, ere leaves are new,
Caught in the frozen palms of Spring.

*) Из 7-й части поэмы «Принцесса»

1830

Чёрный дрозд

О Чёрный дрозд! Спой песню мне.
Тут для тебя полянки есть,
Где можешь вволю жить и есть;
И безопасно здесь вполне.

Твои - шпалеры из ветвей,
Весь парк, газоны и кусты.
И виноград созревший ты
У стен без сеток клюй и пей.

Хоть я щажу тебя, мой друг,
Весь день недвижно угрожал
Твой клюв, как золотой кинжал,
Созревшим яблокам вокруг.

Клюв золотой. Но сух язык
Серебряный; он славен был,
Когда зимой он пел и стыл.
Сейчас ты сыт и петь отвык.

И голос флейтой не звучит,
Почти не слышен средь ветвей
Или хрипит; вот так, скорей,
Торговец уличный кричит.

Но знай: чьи песни не дружны
С обильем летним и теплом,
Петь будет от нужды потом
В ладонях мёрзлых у Весны.

Who Can Say?

Who can say
Why Today
Tomorrow will be Yesterday?
Who can tell
Why to smell
The violet, recalls the dewy prime
Of youth and buried time?
The cause is nowhere found in rhyme.

The Eagle

He clasps the crag with crooked hands;
Close to the sun in lonely lands,
Ring'd with the azure world, he stands.

The wrinkled sea beneath him crawls;
He watches from his mountain walls,
And like a thunderbolt he falls.

Break, Break, Break

Break, break, break,
On thy cold gray stones, O Sea!
And I would that my tongue could utter
The thoughts that arise in me.

O, well for the fisherman's boy,

1830

Кто может сказать?

Понять пора:
«Сегодня с утра»
Завтра станет «вчера».
Вдыхать или нет
Фиалки букет,
Что помнит росистый расцвет
Юности, времени след?
Совсем не в рифме ответ.

1830

Орёл

Скала в его кривых когтях.
В лазурных солнечных краях,
В пустыне мира он монарх.

Под ним морщины волн и мыс.
Вдруг, оттолкнув скалы карниз,
Он молнией несётся вниз.

1833?

Бей, бей, бей

Бей, бей, бей
По серым камням, о море!
О если б язык мой мог произнести
Мысли, возникшие в горе.

Как сыну рыбака хорошо:

That he shouts with his sister at play!
O, well for the sailor lad,
That he sings in his boat on the bay!

And the stately ships go on
To their haven under the hill;
But O for the touch of a vanish'd hand,
And the sound of a voice that is still!

Break, break, break
At the foot of thy crags, O Sea!
But the tender grace of a day that is dead
Will never come back to me.

Nothing Will Die

When will the stream be aweary of flowing
Under my eye? When will the wind be aweary of blowing
Over the sky? When will the clouds be aweary of fleeting?
When will the heart be aweary of beating? And nature die?
Never, oh! never, nothing will die?
The stream flows,
The wind blows,
The cloud fleets,
The heart beats,
Nothing will die.

Nothing will die;
All things will change
Through eternity.
'Tis the world's winter;
Autumn and summer

С сестрой он смеётся игриво!
О, как хорошо там матросу сейчас,
Что в лодке поёт в заливе!

Торжественно корабли плывут,
Им гавань покой обещает;
Но, о! Рука ещё тут, со мной,
Голос звучать продолжает!

Бей, бей, море, бей,
И даже скала содрогнётся!
Но нежная благодать умершего дня
Уже ко мне не вернётся.

1834

*) Стихотворение написано в память о друге поэта Артуре Генри Халламе

Ничто не умрёт

И разве вод потоки течь устанут когда-нибудь
Перед глазами? Разве ветер вдруг устанет дуть?
И разве облака за облаками в небе плыть устанут?
И разве сердце биться перестанет? И всё вокруг умрёт?
О! никогда ничто на свете не умрёт.
Ручей течёт,
Ветер тучу несёт,
Она несётся,
Сердце бьётся,
Ничто не умрёт.

Ничто не умрёт;
Всё будет меняться
Вечно.
Сейчас льдинки на окнах;
Осень и лето

Are gone long ago;
Earth is dry to the centre,
But spring, a new comer,
A spring rich and strange,
Shall make the winds blow
Round and round,
Through and through,
Here and there,
Till the air
And the ground
Shall be filled with life anew.
The world was never made;
It will change, but it will not fade.
So let the wind range;
For even and morn
Ever will be
Through eternity.
Nothing was born;
Nothing will die;
All things will change.

O, Were I Loved As I Desire To Be!

O, were I loved as I desire to be!
What is there in the great sphere of the earth,
Or range of evil between death and birth,
That I should fear, - if I were loved by thee!

All the inner, all the outer world of pain,
Clear love would pierce and cleave, if thou wert mine;
As I have heard that somewhere in the main
Fresh-water springs come up through bitter brine.

'I were joy, not fear, clasped hand in hand with thee,
To wait for death – mute – careless of all ills,

Далеко где-нибудь;
Земля насквозь просохла,
Но весна света
Сильна и не станет стесняться,
Заставит ветры дуть
Снова и снова,
По лесам, по полям,
Тут и там,
Пока воздух, земля,
Все леса и поля
Не наполнятся жизнью новой.
Миру нет нужды создаваться:
Он не сгинет, но будет меняться.
Так пусть ветры дуют,
Пусть жизнь идёт.
И утро и вечер
Вечно пребудут.
Ничто не родилось;
Ничто не умрёт.

O, если б был любим, как я мечтал!

O, если б был любим, как я мечтал!
Великой сферы жизни ремесло,
Всё меж рождением и смертью зло,
Будь я любим тобой, без страха б ждал!

Болей всех чистая любовь сильнее.
Я слышал, что источник пресных вод
Бить может даже и на дне морей.
Когда бы ты была моей, найдём исход.

Рука в руке с тобой счастливый я
Потом без страха б ждал конца в горах,

Apart upon a mountain, though the surge Of some new deluge from a thousand hills Flung leagues of roaring foam into the gorge Below us, as far on as eye could see. The Beggar Maid Her arms across her breast she laid; She was more fair than words can say; Barefooted came the beggar maid Before the king Cophetua. In robe and crown the king stept down, To meet and greet her on her way; “It is no wonder,” said the lords, “She is more beautiful than day.” And shines the moon in clouded skies, She in poor attire was seen: One praised her ankles, one her eyes, One her dark hair and lovesome mien. So, sweet a face, such angel grace, In all that land had never been: Cophetua sware a royal oath: “That beggar maid shall be my queen!” A Farewell Flow down, cold rivulet, to the sea,	Когда потопа нового гроза, Дробя внизу в ущельях тёмных в прах Всё, что с вершины видели б глаза, Потоки вод помчит с холмов ревя. 1833 Нищая девушка *) Она шла, руки сложив на груди; Так прекрасна – нет слов у меня! Босая, она продолжала идти К царю Кофетуа. В короне, в мантии встретил царь Её, с трона молча сойдя; «Конечно, - сказали вельможи, - она Намного прекраснее дня». Как сияет луна, озарив небеса, Шла она в бедных одеждах одна; Тот лодыжки хвалил, тот – глаза; Прелесны стан и волос волна, И грация ангела, свежесть лица... В стране такого не было никогда: Поклялся царь Кофетуа: «Она королевой быть рождена!» 1833 *) стихотворение на тему легенды об африканском царе Кофетуа Прощание Спускайся к морю ручеёк,
--	--

Thy tribute wave deliver:
No more by thee my steps shall be,
For ever and for ever.

Flow, softly flow, by lawn and lea,
A rivulet then a river;
No where by thee my steps shall be,
For ever and for ever.

But here will sigh thine alder tree,
And here thine aspen shiver;
And here by thee will hum the bee,
For ever and for ever.

A thousand suns will stream on thee,
A thousand moons will quiver;
But not by thee my steps shall be,
For ever and for ever.

Move Eastward, Happy Earth

Move eastward, happy earth, and leave
Yon orange sunset waning slow:
From fringes of the faded eve,
O, happy planet, eastward go:
Till over thy dark shoulder glow
Thy silver sister world, and rise
To glass herself in dewey eyes
That watch me from the glen below.

Ah, bear me with thee, lightly borne,
Dip forward under starry light,
And move me to my marriage-morn,
And round again to happy night.

Несись к волнам беспечно:
А от тебя мой путь далёк
Отныне и навечно.

Сперва ты – ключ, потом - поток,
Потом река, конечно;
От твоего мой путь далёк
Отныне и навечно..

Вздыхать оставишь тополёк,
Ольху – жалеть сердечно;
Пчела жужжа найдёт леток
Отныне и навечно.

Взойдут луна и солнце в срок,
Ведь время быстротечно;
Но не с тобой мой путь пролёт
Отныне и навечно.

1837

Двигайся на восток, счастливая Земля!

Кружись, планета, на восток!
Погасит вечер уходя
Оранжевый закат в свой срок.
Кружись, счастливая Земля,
Пока не озарит тебя
Твоя сестра вся в серебре,
Чтобы в глазах росы гореть
В долине, из-за гор придя.

Нырни легко под звёздный свет,
И к утру брачному меня
Неси, когда придёт рассвет,
К счастливой ночи после дня.

The Splendor Falls

The splendor falls on castle walls
And snowy summits old in story;
The long light shakes across the lakes,
And the wild cataract leaps in glory.
Blow, bugle, blow, set the wild echoes flying,
Blow, bugle; answer, echoes, dying, dying, dying.

O, hark, O, hear! how thin and clear,
And thinner, clearer, farther going!
O, sweet and far from cliff and scar
The horns of Elfland faintly blowing!
Blow, let us hear the purple glens replying,
Blow, bugles; answer, echoes, dying, dying, dying.

O love, they die in yon rich sky,
They faint on hill or field or river;
Our echoes roll from soul to soul,
And grow forever and forever.
Blow, bugle, blow, set the wild echoes flying,
And answer, echoes, answer, dying, dying, dying.

Tears, idle tears

Tears, idle tears, I know not what they mean,
Tears from the depth of some divine despair
Rise in the heart, and gather to the eyes,
In looking on the happy autumn-fields,
And thinking of the days that are no more.

1843

Сиянья вал

Сиянья вал на замо́к пал,
И всё блестит в его оправе -
Снег древних гор и рябь озёр;
И водопад гремит во славе.
Труби же, рог, труби, вернёшься диким эхом,
Труби, рог, отвечай же, эхо, тихо, тихо, тихо.

Красив, высок, но так далёк,
Из стран, где скал нет и ущелий,
Лишь тихо смог пропеть нам рог
Из мира эльфов - еле-еле.
Труби, и пусть ответит звон долин багряных,
Труби, рог, отвечай же, эхо, тихо, тихо, странно.

Любовь, оно замрёт, умрёт
На поле, на холме, у речки;
Но наше эхо всё живёт, оно любовь передаёт
От сердца к сердцу вечно, вечно.
Труби же, рог, труби, вернёшься диким эхом,
Труби, рог, отвечай же, эхо, тихо, тихо, тихо.

1848

Слёзы, тщетные слёзы

О слёзы тщетные, не знаю, в чём ваш смысл.
Божественною странной скорбью рождены,
Вы в сердце собираетесь, в глазах. Смотрю
Я на счастливые осенние поля
И думаю о днях, которых больше нет.

Fresh as the first beam glittering on a sail,
That brings our friends up from the underworld,
Sad as the last which reddens over one
That sinks with all we love below the verge;
So sad, so fresh, the days that are no more.

Ah, sad and strange as in dark summer dawns
The earliest pipe of half-awakened birds
To dying ears, when unto dying eyes
The casement slowly grows a glimmering square;
So sad, so strange, the days that are no more.

Dear as remembered kisses after death,
And sweet as those by hopeless fancy feigned
On lips that are for others; deep as love,
Deep as first love, and wild with all regret;
O Death in Life, the days that are no more!

Marrige Morning

Light, so low upon earth,
You send a flash to the sun.
Here is the golden close of love,
All my wooing is done.
Oh, the woods and the meadows,
Woods where we hid from the wet,
Stiles where we stay'd to be kind,
Meadows in which we met!
Light, so low in the vale
You flash and lighten afar,
For this is the golden morning of love,
And you are his morning start.
Flash, I am coming, I come,
By meadow and stile and wood,

Свежи, как первый луч на парусе, когда
Он вдруг друзей из преисподней нам вернёт,
Печальны, как последний, алый над челном,
Который тех, что любим, унесёт за грань.
Как грустны, свежи дни, которых больше нет.

Печальны, странны, как в рассветный час
Полупроснувшихся птиц первая свирель
Для умирающих ушей, когда для глаз
Окно сжимается в мерцающий квадрат;
Так грустны, странны дни, которых больше нет.

Вы дóроги, как поцелуй на мёртвом лбу,
И сладки, как фантазии плод - поцелуй
На тех губах, что для других предрешены;
И глубоки, как первая любовь – вся страх.
О Смерть при Жизни, дни, которых больше нет!

1847

Свадебное утро

Свет, от самой земли
До солнца вознёсся ты -
Знак золотой моей любви:
Воплощены мечты.
О вы, леса и луга, -
Леса, где нам дождь не грозил,
Опушки, где оставались вдвоём,
Луга, где я был тебе мил!
Свет низкий в долине моей,
Ты виден так далеко;
Настало златое утро любви,
И ты – начало его.
Свет, по полянам, лугам,
Сквозь лес пришлось мне идти.

Oh, lighten into my eyes and heart,
Into my heart and my blood!
Heart, are you great enough
For a love that never tires?
O' heart, are you great enough for love?
I have heard of thorns and briers,
Over the meadow and stiles,
Over the world to the end of it
Flash for a million miles.

In memoriam A.H.H.

VII

Dark house, by which once more I stand
Here in the long unlovely street,
Doors, where my heart was used to beat
So quickly, waiting for a hand,

A hand that can be clasp'd no more—
Behold me, for I cannot sleep,
And like a guilty thing I creep
At earliest morning to the door.

He is not here; but far away
The noise of life begins again,
And ghastly thro' the drizzling rain
On the bald street breaks the blank day.

XI

Calm is the morn without a sound,
Calm as to suit a calmer grief,

Свети мне в сердце, в глаза,
Мне в кровь и в душу свети!
Сердце, достаточно ль ты велико,
Для любви, что не устаёт?
Достаточно ль ты велико для любви?
День терний, шипов придёт...
В долинах, у горных круч
На весь мир до его конца,
На миллион миль - луч.

1850

Памяти А.Г.Х.

VII

Вот тёмный дом, где я не раз
На длинной улице стоял
И трепетно пожатья ждал:
Вот дверь откроется сейчас!

Но нет руки, чтобы пожать.
Как виноватый, я крадусь
Сюда с утра и к двери жмусь.
Вы видите, не смог я спать.

Он далеко, его здесь нет;
А жизнь шумит, она идёт,
Сквозь морозящий дождь встаёт
Над голой улицей рассвет.

XI

Тишина - это утро без ветра, без звука,
Подобающая тихой печали; сейчас

And only thro' the faded leaf
The chestnut pattering to the ground:

Calm and deep peace on this high world,
And on these dews that drench the furze,
And all the silvery gossamers
That twinkle into green and gold:

Calm and still light on yon great plain
That sweeps with all its autumn bowers,
And crowded farms and lessening towers,
To mingle with the bounding main:

Calm and deep peace in this wide air,
These leaves that redden to the fall;
And in my heart, if calm at all,
If any calm, a calm despair:

Calm on the seas, and silver sleep,
And waves that sway themselves in rest,
And dead calm in that noble breast
Which heaves but with the heaving deep.

Come not when I am dead

Come not, when I am dead,
To drop thy foolish tears upon my grave,
To trample round my fallen head,
And vex the unhappy dust thou wouldst not save.
There let the wind sweep and the plover cry;
But thou, go by.

Child, if it were thine error or thy crime
I care no longer, being all unblest:

Лишь увядшие листья каштана кружась
Ложатся на чёрную землю без стука.

Тишина, покой на этом высоком свете,
На росе, пропитавшей ветки на дроках,
На серебряных паутинках тонких,
Что зеленыю, золотом светят.

Тишина, тихий свет на равнине кругом,
Что со всеми беседками и дворами,
Многолюдными фермами, городами
Двигается, чтобы слиться с морем потом.

Тишина, воздух спит и спокойствие здесь,
Эти красные листья, им жить не дано;
И в сердце моём, коль спокойно оно,
Там покой от отчаянья весь.

Тишина и серебряный сон над водой,
И колышутся медленно волны в пути,
Только мёртвый покой в благородной груди,
Что вздымается лишь с глубиной.

1850

Не приходи, когда я умру

Не приходи, смирись,
Не лей слёз глупых, но если придёшь,
Вкруг моей головы не топчись,
Несчастный мой прах всё равно не спасёшь.
Пусть птицы кричат и пусть ветер гудит,
А ты пройди.

Будь то ошибка иль грех твой, дитя,
Мне всё равно, был так скорбен мой путь.
Мужа найдёшь. Время – груз для меня,

Wed whom thou wilt, but I am sick of Time,
And I desire to rest.
Pass on, weak heart, and leave to where I lie:
Go by, go by.

In the Valley of Cauteretz

All along the valley, stream that flashest white,
Deepening thy voice with the deepening of the night,
All along the valley, where thy waters flow,
I walk'd with one I loved two and thirty years ago.
All along the valley, while I walk'd to-day,
The two and thirty years were a mist that rolls away;
For all along the valley, down thy rocky bed,
Thy living voice to me was as the voice of the dead,
And all along the valley, by rock and cave and tree,
The voice of the dead was a living voice to me.

Flower in the crannied wall

I pluck you out of the crannies,
I hold you here, root and all, in my hand,
Little flower -but if I could understand
What you are, root and all, and all in all,
I should know what God and man is.

Minnie and Winnie

Minnie and Winnie
Slept in a shell.
Sleep, little ladies!

И я хочу отдохнуть.
Оставь меня, слабое сердце, и не буди.
Пройди, пройди.

1851

В долине Котре

Здесь, в белом потоке, что вниз мчится прочь,
Твой голос звучит тем глубже, чем глубже ночь,
Здесь, вдоль вод знакомых идти я так рад
С тем, кого любил я, тридцать два года назад.
Здесь, где сейчас иду я тропой вдоль реки,
Те тридцать два года – тумана клочки;
Здесь, где ложем из камня выстлан путь мой,
Голосом мёртвых стал твой голос живой,
И здесь, в долине, средь скал, пещер, олив,
Мёртвого голос для меня снова жив.

1861

Цветок в трещине стены

Тебя из трещин вырываю
И с корнем на руке могу держать,
Цветочек, если бы я смог понять,
Что ёсть ты - корень, стебель, всё во всём, -
Что Бог и человек есть, я узнаю.

1863

Минни и Винни

*)

Спят Минни с Винни
В ракушке у дна.
Милые детки,

And they slept well.

Pink was the shell within,
Silver without;
Sounds of the great sea
Wander'd about.

Sleep, little ladies!
Wake not soon!
Echo on echo
Dies to the moon.

Two bright stars
Peep'd into the shell.
"What are you dreaming of?
Who can tell?"

Started a green linnet
Out of the croft;
Wake, little ladies,
The sun is aloft!

Cradle Song

What does little birdie say
In her nest at peep of day?
Let me fly, says little birdie,
Mother, let me fly away.
Birdie, rest a little longer,
Till thy little wings are stronger.
So she rests a little longer,
Then she flies away.

Доброго сна!

Домик-ракушка:
В цвет розы нутро;
Шум не доходит,
А верх – серебро.

Утро далёко,
Спите на дне!
Эхо за эхом
Гаснет в луне.

Звёздочка с неба
Хочет сказать:
"Что им там снится?
Кто может знать?"

Птичка проснулась,
Открыла дупло:
«Детки, вставайте!
Солнце взошло!

1863

*) Очевидно, сокращение от Мина и Эдвина

Колыбельная

День настал, птенец не спит.
Что он маме говорит?
«Улететь позволь мне, мама.
Видишь, как орёл парит».
«Погоди немного, рано:
Скоро крылья крепче станут».
Подождал чуть-чуть у мамы,
И он прочь летит.

What does little baby say,
In her bed at peep of day?
Baby says, like little birdie,
Let me rise and fly away.
Baby, sleep a little longer,
Till thy little limbs are stronger.
If she sleeps a little longer,
Baby too shall fly away.

The Thristle

‘Summer is coming, summer is coming.
I know it, I know it, I know it.
Light again, leaf again, life again, love again,’
Yes, my wild little Poet.

Sing the new year in under the blue.
Last year you sang it as gladly.
‘New, new, new, new’! Is it then so new
That you should carol so madly?

‘Love again, song again, nest again, young again,’
Never a prophet so crazy!
And hardly a daisy as yet, little friend,
See, there is hardly a daisy.

‘Here again, here, here, here, happy year’!
O warble unchidden, unbidden!
Summer is coming, is coming, my dear,
And all the winters are hidden.

День настал, и сын не спит.
Что он маме говорит?
Как птенец, он просит: «Мама,
Я хочу лететь в зенит».
«Погоди немного, рано:
Скоро ножки крепче станут».
Если чуть задремлет мама,
То сыночек улетит.

1868

Певчий дрозд

«Лето пришло, лето пришло!
Жизнь и любовь в новом свете...
Я знаю, я знаю! Как светло!»
- Да, мой дикий поэт.

«Год новый, год новый, как хорошо!»
- Прошлый раз новым он не был?
Так ли он нов, что ты буйно поёшь
Гимны под синим небом?

«Снова любовь, снова песня, гнездо!»
- Что за пророк безумный!
Это всего лишь ромашка, и то:
Только росточек скромный.

«Вот снова, вот снова радостный год!»
- Пой, трель нежданая, можно!
Лето пришло, дорогой, и идёт.
Спрятаны зимы надёжно.

1889

The Silent Voices

When the dumb Hour, clothed in black,
Brings the Dreams about my bed,
Call me not so often back,
Silent Voices of the dead,
Toward the lowland ways behind me,
And the sunlight that is gone!
Call me rather, silent voices,
Forward to the starry track
Glimmering up the heights beyond me
On, and always on!

Безмолвные голоса

Весь в чёрном ночью Час немой
В мою постель приносит сны:
Зовя меня назад порой,
Там мёртвых голоса слышны -
К низинным тропам позади,
Где солнце луч последний шлёт.
О нет! Зовите, голоса,
Вперёд, по звёздному пути,
Мерцающему в вышине,
Вперёд, всегда вперёд!

1892